

Хогвартс в одночасье перестал быть шумным местом.

Помимо оставшихся на каникулы студентов и преподавателей, большая часть обитателей замка уже погрузилась в атмосферу праздника.

Впрочем, Хогвартс не обделял вниманием и тех, кто остался: воздух был пропитан сладким ароматом еловых игл и поджаренного меда, а беззвучно падающие за окнами снежинки складывались в безупречную рождественскую картину.

Но для Северуса Снегга Рождество было лишь очередным днем, когда можно без помех укрыться в тихом, почти мертвенно-спокойном Подземелье и предаться своим долгим и кропотливым исследованиям зелий.

Рождественский ужин для преподавательского состава?

Он показался там лишь на пару минут, необходимых для приличий, одарил всех таким взглядом, от которого наверняка замерз бы даже тыквенный сок, и, пресекая любые попытки завязать светскую беседу, словно летучая мышь, вернулся в свое подземное царство.

В его кабинете было холоднее, чем обычно, и лишь ровное пламя под котлом дарило крохи света и тепла.

На столе были разложены несколько толстых черных фолиантов с обтрепанными краями, а рядом выстроились ряды флаконов с зельями, от которых исходило зловещее мерцание.

Как раз когда он сосредоточился на том, чтобы растереть порошок лунного камня до состояния тончайшей пыли, снаружи, у самой двери кабинета, раздался легкий, почти неслышный звук: пуфф.

Это не было похоже на стук совы в окно, скорее, что-то тяжелое опустилось на каменный пол.

Движения Снегга замерли, взгляд, острый, как лезвие, метнулся к выходу.

Он беззвучно вытянул палочку и, настороженно ступая, подошел к двери и резко распахнул ее.

За дверью никого не было.

Лишь холодные плиты пола да пляшущие тени от факелов в далеком коридоре.

Однако прямо перед его порогом лежал сверток.

Небольшой, завернутый в плотную бумагу необычного темно-серого цвета с мелким узором. Никаких ленточек или бантов, только печать из густой, почти черной темно-синей восковой массы.

На оттиске красовался не герб Хогвартса и не привычный рождественский символ, а сложный древний знак — Снег узнал его, это была руна, означавшая Волк.

Никакой подписи.

Никакой открытки.

Снег нахмурился. Он ненавидел неожиданные подарки, а еще больше ненавидел подобный безмолвный, почти шпионский способ их преподнесения.

Он тщательно проверил сверток кончиком палочки: никаких следов темных проклятий, ядов или следящих заклинаний.

Лишь тончайшая, но удивительно искусно выполненная защитная магия окутывала предмет, оберегая его от пыли и чужих взоров до тех пор, пока его не коснется адресат.

С мрачным видом Снег подцепил сверток палочкой, занес в кабинет и положил в пустой угол рабочего стола, словно это был опасный объект, требующий карантина.

Он пялился на подарок целых пять минут, пытаясь выудить из памяти хоть кого-то, кто мог бы преподнести дар в таком стиле.

Филиус Флитвик? Он мог подарить что-то изящное, но не стал бы делать это столь скрытно.

Минерва Макгонагалл? Ее подарки всегда практичны и традиционны.

Дамблдор? Тот старый пчеловод предпочитал дарить вещи, до приторности сладкие и обладающие столь же раздражающим смыслом.

Никто из них.

Его взгляд в конце концов снова упал на руну, и в памяти всплыл размытый образ человека, который всегда говорил с небрежным спокойствием, хотя со стороны казался довольно приветливым.

Зеркс Конри.

Только он.

Этот странный профессор прорицаний с сомнительным прошлым, вечно пытающийся завязать разговор через научные вопросы.

Когда они обсуждали алхимию, тот действительно упоминал, что неплохо в ней разбирается.

Губы Снегга сжались в тонкую линию.

Он крайне неохотно протянул руку и взломал твердую восковую печать.

Сверток раскрылся сам собой, обнажая содержимое.

Это была небольшая вещица, которая легко умещалась на ладони.

Основой служил отполированный до невероятного блеска темно-серебряный металл — не обычное серебро, оно отливало сдержанным блеском ночных звезд и было прохладным на ощупь, но не обжигающим.

Даритель предусмотрительно приложил цепочку, позволяя носить этот предмет как кулон.

Металл был отлит в форме идеального диска, в центре которого покоился чистейший, похожий на застывшее пламя, темно-красный камень.

Вокруг камня поверхность диска покрывали бесчисленные, тоньше человеческого волоса, микроскопические руны и алхимическая матрица. Они переплетались в несколько колец, образуя крошечный, но необъятный защитный массив.

Эти насечки не были мертвыми: при пристальном рассмотрении казалось, что внутри них медленно течет едва заметная энергия, словно дыхание спящего существа.

Это было отнюдь не просто украшением.

Это был невероятно мощный и баснословно дорогой алхимический артефакт.

Снегг задержал дыхание, когда взял его в руки.

Он тут же ощутил исходящую от него безмятежную и мощную силу: высококонцентрированная защитная энергия, мягкие вибрации, упорядочивающие разум, и даже едва уловимое воздействие, благотворно влияющее на активность ингредиентов при варке зелий.

Для человека, который круглыми сутками контактирует с самыми опасными ядами, ходит по острию ножа шпионской жизни и постоянно находится в состоянии предельного нервного напряжения, это было сокровище, о котором можно только мечтать.

Вещь была безмолвной, могущественной, практичной и лишенной малейшего намека на вычурность — она идеально соответствовала его вкусам и скрытым потребностям.

Ему даже не нужны были инструкции, чтобы понять основную суть: пассивная защита от проклятий и энергетических выбросов при ошибках в зельеварении, стабилизация разума, помогающая сопротивляться Легилименции и ментальному вмешательству, а также тонкая настройка микроклимата — неоценимая польза при создании сложных составов.

Снегг крепко сжал холодный амулет, костяшки его пальцев побелели.

Он почувствовал, как в груди вскипает целая гамма сложнейших эмоций: раздражение от того, что его потребности так легко разгадали; неприятие столь дорогого подарка; глубокое подозрение относительно истинных намерений дарителя; и... крупица шока и волнения, которую, как бы он ни старался, невозможно было подавить.

Он резко вскинул голову и пронзительным взглядом обвел пустой кабинет, словно ожидая, что Зеркс прячется где-то в углу, наблюдая за его реакцией.

Разумеется, никого не было.

Тот мужчина даже не удосужился вручить подарок лично.

Он нанес удар этим тяжелым и точным проявлением доброй воли самым незаметным способом, который не ставил в неловкое положение и от которого было невозможно сразу отказаться.

Лицо Снегга то и дело менялось.

Ему хотелось выбросить амулет в мусорное ведро, хотелось написать гневное письмо, полное ядовитых слов, обвиняя того в дерзости и излишнем вмешательстве в чужие дела.

Но он этого не сделал.

Он долго стоял неподвижно, глядя на алхимическое изделие, которое словно было создано специально для него.

В Подземелье слышалось только бульканье котла да его собственное сбивчивое дыхание.

В конце концов он очень медленно, почти скрежеща зубами, вложил амулет обратно в темно-серую бумагу, грубо завернул его, а затем запихнул в запертый ящик самого нижнего стола — туда, где обычно хранил свои самые опасные исследовательские заметки и материалы.

— Не лезь не в свое дело, — прошипел он в пустоту кабинета, и в его голосе звучала ярость, которой он не мог убедить даже самого себя.

Он вернулся к котлу, пытаясь вновь сосредоточиться на растирании лунного камня, но его движения утратили былую точность и ритм. Его разум был окончательно сбит с толку этим безмолвным рождественским подарком от того самого человека.

Подарок тихо лежал в темном ящике, дожидаясь окончания каникул в самой глубине Подземелья, в рождественскую ночь Хогвартса.

<http://bllate.org/book/21836/2262668>